

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

МЫ БОГАТЫ: У НАС ЕСТЬ РАСПУТИН

(о книге А. А. Королькова “Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники”. СПб. Росток. 2018)

Делай Божье дело в тишине.

В. Г. Распутин

Подлинности противопоставлено пышное словесие.

А. А. Корольков

“Божье дело”, “подлинность”, “тишина”, “чувствительность”, “слово” – эти понятия пронизывают и отличают исторический, проникновенный, ставший компонентом культурного бытия России диалог двух наших современников – выдающегося русского писателя Валентина Григорьевича Распутина и его друга, известного русского философа, доктора наук, профессора Александра Аркадьевича Королькова. Их дружба, продолжавшаяся несколько десятилетий, нашла отражение в уникальной по содержанию, насыщенной смыслами книге Александра Королькова “Нравственная философия Валентина Распутина”. В неоднородном по композиции, сочетательном по жанрам произведении встречаются и другие опорные понятия: просвещение, наследие, традиция. В совокупности названные категории равнозначны физическим силам, извлекающим скрытый порядок из кажущегося беспорядка, посредством этих сил преодолевается хаос, просвещается мир, достигается истинная свобода.

Новая книга Александра Королькова состоит из очерков, посвящённых Валентину Распутину, свидетельств о встречах, дневниковых записей, содержит философские размышления автора, а также воспоминания, записанные после ухода из жизни выдающегося русского прозаика в 2015 году. Особо ценной её частью являются письма Валентина Распутина петербургскому собеседнику и земляку, сибиряку по рождению, сопровождаемые развёрнутыми комментариями и ссылками автора сборника. Эта книга предназначена для тех, кто любит Россию. Но она может стать откровением и для тех, кто её не любит, но, прислушавшись к проникновенному голосу мудреца Распутина, умилостивит свой критический взгляд на Отечество. Это актуальная книга не только по смыслам, но и по структуре: современные отношения диалогичны. Эта книга историческая – она о времени и истории, о дружбе и верности,

о литературе и науке, но главное — она о России в понимании Валентина Распутина, представляющего своё Отечество как Космос, формирующий гармоничную структуру русского мира и всемирного бытия.

Творчество считается высшей степенью психической человеческой активности, заключающейся в способности познавать, обобщать, создавать новое. В связи с этим можно говорить о философских основах творчества-познания, так поясняемых Николаем Бердяевым: “Если мне дано познание, это есть, прежде всего, моё внутреннее познание, ещё неизвестное для мира, настоящая моя философия, когда я стою лицом к лицу перед тайной бытия, как бы перед лицом Божиим”¹. Бердяев подчёркивает, что “творческое огненное движение” должно не только восходить, но и нисходить к людям, к миру.

Эти пути исследует в своей книге Александр Корольков в пространстве литературной и жизненной судьбы выдающегося писателя Валентина Григорьевича Распутина. Но почему учёного связывали долгие крепкие дружеские отношения со знаменитым сибиряком? Александр Корольков так отвечает на этот часто задаваемый ему вопрос: “Тут можно долго говорить о духовном родстве, но начну с того, что мы земляки, из Сибири. Мне захотелось с ним встретиться ещё и потому, что в своё время я упустил возможность познакомиться с другим своим великим земляком — Шукшиным. В Сростках жила сестра моей бабушки, не раз я там бывал, знаком со всеми родственниками Шукшина, сестру его хорошо знал, Наталью Макаровну, его тётушек. А вот с ним самим познакомиться не получилось, хотя, как выяснилось, я заезжал в Сростки именно в то лето, когда Василий Макарович строил там баньку.

Это меня подтолкнуло к чему? Нельзя откладывать встреч с единомышленниками, которые тебе дороги. Где-то в 78-м году приехал я в Иркутск по делам университетским, сидели мы с нашими коллегами, преподавателями философии, в кафе, и я упомянул, что хотелось бы познакомиться с Распутиным. Николай Коноплёв, ныне профессор в Иркутском университете, говорит: “Пойдём хоть сейчас, я живу рядом с ним, а с его женой Светланой в одном классе учился”. Пара выпитых рюмок придала храбрости. И вот так отчаянно я вошёл в дом Валентина Григорьевича. Отнёсся он ко мне благосклонно, пригласил на следующий день ещё пообщаться. Постепенно стали переписываться, встречаться и в Иркутске, и в Петербурге, и в Москве. Так мне посчастливилось обрести в нём искреннего друга. Он сам написал в одной книге: “С Александром Аркадьевичем мы не могли не встретиться и не сойтись уже потому, что встреча наша и последующая дружба, что называется, на роду была написана”.

Александр Корольков почувствовал, что Валентин Распутин близок ему по духу, что вопросы, поставленные Распутиным в его произведениях, созвучны идеям традиционной русской философии, исследующей духовные и нравственности начала человеческой жизни. Отметим, что Александр Корольков — педагог, академик Российской академии образования (РАО), понимающий, что для осмысления и отражения истины нужен всеохватный взгляд, различающий разные уровни приобщения к ней.

Первым словом книги, дающим определение личности Распутина, Александр Корольков полагает распутинский термин “чувствователь”. Он этимологически близок к физическому понятию “чувствовать”, но относится к духовно-нравственной антропологии. Чувствователь-Распутин даёт в своих повестях, очерках, письмах спасительные направления, ориентированные не на традиции рационализма, присущие философии, а на дух и душу народа, понимающего русскую правду. “Чувствователь” — слово распутинское, оно отражает способность русских писателей и мыслителей чувствовать природу, Родину, семейные и исторические истоки, родство душевное, духовное и передать своё чувство письменным словом”², — поясняет Александр Корольков, создавая достоверный портрет Валентина Распутина. Его личность, мысли, прозрения, творческая смелость важны для духовного оздоровления русского народа, для восстановления прекрасного лика России, теряющей свою красоту под натиском массовой культуры.

В этом общем спасительном деле важен и нужен подлинный портрет русского мыслителя. Он нужен именно сегодня, когда ещё не ушли поколения, знающие творчество писателя, когда не поблек во времени его образ, озарённый спасёнными им водами родного Байкала, когда не иссякла исконная вера в слово писателя. Именно сейчас русскому народу более всего

требуются свои, русские праведники и учителя. Используя слова самого Валентина Григорьевича из письма к Александру Королькову от 7 ноября 1985 года³, можно сказать, что “позже было бы, пожалуй, поздно”. Именно сегодня нам необходимы уроки Распутина, когда Россия хочет вернуться к своим историческим духовно-нравственным корням, на свой национальный путь, но сдерживается негативными силами. В книге эти силы подразумеваются, но не называются, так как человеку, если он вооружён родным словом и родной верой, никакие злые силы не страшны. Поэтому речь в книге идёт не о противостоянии, а об укреплении основ, о познании: о научении русскости, о русской ментальности, о русской идее, требующей сегодня, образно говоря, “археологических раскопок”.

Просветительская ценность и нравственная направленность книги Александра Королькова очевидна. В самом её начале автор приводит выразительную цитату из “Выбранных мест из переписки с друзьями” Николая Васильевича Гоголя, поясняя неизменную во времени христианскую суть просвещения: “Просветить не значит научить или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его производит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы... “Свет просвещения!” — и ничего к ним не прибавляется больше”⁴. Эти мудрые слова классика русской литературы и смысловой строй книги Александра Королькова ставят её в ряд со знаменитым гоголевским откровением, вопиющим к современникам о необходимости осознания, что единственно крепким основанием культуры и просвещения может быть только христианство, а основанием жизни — вера в Бога и в силу Церкви Небесной и земной.

О кризисе нравственности, о разрыве с прошлым болел душой в своё, ещё более бездуховное, сиротское время и Валентин Распутин. Александр Корольков отмечает, что Валентин Григорьевич первым во второй половине XX столетия во весь голос заговорил о православной сущности русской культуры, о необходимости переиздать отечественную религиозно-философскую литературу, которая большей частью долгие годы была под запретом. И его голос был услышан, потому что это был голос сына в защиту матери: “До чего же мила ты и тепла, до чего же по-матерински родна ты и прекрасна, ненаглядна и приветлива, матушка Русь!.. По Руси-России, как по матери, мы все кровная родня”⁵, — говорит с искренней любовью Распутин.

Автор книги, также осознавая себя кровной роднёй по России и Распутину, и многим единомышленникам, понимает своевременность постановки и необходимость решения этой трудной задачи. Он откровенно и с печалью говорит об отсутствии чувства преемства и добрых отношений к сибирским дедушкам и бабушкам в собственной семье. Изыскивая спасительные пути, писатель даёт простой и действенный совет своим “забывчивым” детям: нужно читать произведения Валентина Распутина, слово которого не только просвещает, образовывает, но вдохновляет и исцеляет, укореняет в людях русский дух.

Русскость творчества Валентина Распутина очевидна. Известный современный писатель Василий Дворцов, подчёркивая, что “литература разделяется на русскую и русскоязычную не по крови авторов”, отмечает основные параметры русскости литературы, присущие творчеству Валентина Распутина, — сострадание (писатель не выделяет себя из народа, не отстраняется от него, живёт, мыслит и чувствует себя в нём); лиризм (разговор по душам, беседа душ ведётся языком лирики), нравственная неколебимость (неколебимость нравственной традиции суждений о добре и зле, которая искони утвердилась в русской православной культуре)⁶.

Александр Корольков доказательно дополняет этот ряд уточняющими характеристиками. Это совестливость (особая чувствительность к нравственной стороне собственной жизни и творчества), философичность (диалог идёт в религиозно-философских категориях), целительность (оздоровление духа). Целительность как особенность произведений Распутина, неоднократно упоминаемая автором книги, — понятие производное и совокупное, имеющее духовно-нравственное, просветительское и физиологическое значение. Издревле известно, что грех разрушает организм, губит телесные силы, ведёт к неминуемой смерти. Исцеление души — спасительно.

Отразить основные свойства прозы и публицистики Валентина Распутина Александру Королькову удаётся посредством собственного литературного таланта. Перу автора книги подвластна научная стилистика, публицистические формулировки, он мастер живописного литературного слога и автор собственных художественных произведений, что позволяет в полной мере охарактеризовать многогранную одарённость Валентина Распутина, чьи произведения стали вехами русской культуры. “Искреннее его слово целительно для каждого из нас, и молодых, и считающих себя зрелыми. Он редкостный собеседник, хотя все общавшиеся с ним отмечают его замкнутость, неразговорчивость. А какая душа жила в этом человеке! Она выплёскивалась повестями, рассказами, а теперь будет **очищать нас** (выд. авт. ст.) ещё и его личными письмами, которые постепенно станут появляться в печати”⁷.

Эмоциональная сдержанность Валентина Распутина отмечается многими людьми, его знавшими. Или недостаточно знавшими? Так поясняет эту свою психологическую особенность сам Валентин Григорьевич в письме к Александру Королькову (май 1990 года): “Надо знать меня, и, боюсь, при давнем нашем знакомстве и дружбе ты меня знаешь плохо: я готов раскрыться и вывернуться почти наизнанку, но делать этого не умею; моя искренность искренна, но неловка. Я разговариваю и понимаю больше чувством, и в этом смысле мне казалось, что мы сказали друг другу многое”⁸.

“Понимание чувством” — не просто особенность психики конкретного человека, но свойство души мыслителя, умеющего слышать Вселенную, внимать тайне бытия, различать истинную красоту. Для этого умения нужна тишина, спокойствие, мысленная артикуляция, отвлечённость от объективной реальности. Но в творчестве, в искусстве невозможно выразить красоту мира без органического сочетания его материальных и духовных компонентов. Это большой литературоведческий вопрос, поэтому художественные особенности сочинений и аспекты мировоззрения Валентина Распутина автор книги показывает схематично, посредством смысловых акцентов. Процесс истинного творчества всегда диалектичен, или, как говорил Михаил Пришвин, “я назыву победой момент творческой высоты, когда субъективно я и мир — одно, а объективно остаётся свидетельством этому созданная новая форма”⁹.

Можно сказать, что Валентин Распутин мыслит созидание собственной жизни и литературное творчество не как копии действительности, но как саму действительность, создание новых форм своей жизни, из которых православное крещение было формой наивысшей. Как говорит Александр Корольков, решение о крещении у Валентина Распутина было лёгким, осенённым высшими силами. Это решение снизошло на писателя на поле Куликовом, по молитвенному велению св. преп. Сергия Радонежского.

Невозможно не поверить Валентину Распутину, так вспоминавшему¹⁰ о своей ночной встрече с преподобным на Куликовом поле в канун 600-летия битвы. “В ту ночь я впервые близко ощутил присутствие Сергия. До того близко, будто, отыскав меня, чужака, он и ко мне прикоснулся умиротворяющей дланью. Сыграли тут роль рассказ товарища, душевные поиски перед великой датой, когда, как археологу перед раскопом, который завтра закрывать, так хочется отыскать самое важное... И я, кажется, нашёл. Оно было со мной, но правильно ли рассмотрел я его, это уже другое дело. Только, бывая не раз в Сергиевой Лавре, я и возле мощей преподобного не мог протиснуться ближе. Что-то мешало. Или многолюдье, густота и сбивчивость чувств от преклонённых. Или то как раз, что мне уже была явлена милость в разверстости той полекуликовой ночи. “Чего же смущаешься, чадо?” — я и голос потом отыскал под эти слова, сказанные под вопрошающе-твёрдый взгляд поднятых глаз”¹¹.

Об этом духовном рубеже свидетельствует и Александр Корольков: “Распутин считал, что его духовное преображение началось после посещения поля Куликова. Ренита Григорьева (будущая крёстная Валентина Григорьевича) познакомила его в Ельце со священником Воскресенского собора отцом Николаем (в монашестве Нектарием). Он встретил их приветствием-благословением: “Воинство приехало, вот то воинство, которое будет возрождать славу поля Куликова”. В Ельце после беседы со священником Нектарием (Николаем Александровичем Овчинниковым) созрело решение: “Когда выходил от него, понял — это случилось. Случилось какое-то духовное преображение, уже не Мира, как на поле Куликовом, а моё духовное преображение. Уже тогда

стало ясно, что без крещения нельзя, и это крещение должно происходить здесь, в Ельце, который обладал каким-то особым сиянием¹².

Валентин Распутин осознанно и смело, радостно и взволнованно принял крещение в сентябре 1980 года, когда это таинство не поощрялось коммунистическими властями. Но путь к воцерковлению оказался тернистым, растянулся на всю жизнь. Много трудностей и трагедий выпало на долю русского классика. Не скрывая ужаса его переживаний, показывая мучительные поиски ответов на безответные вопросы своего единомышленника, Александр Корольков выделяет такую неотъемлемую часть русской жизни, как претерпевания и испытания, показывает, что Валентин Распутин осмысленно принимает их, как воцерковлённый христианин.

Исследуя мировоззренческие принципы выдающегося русского писателя, автор книги акцентирует внимание на отношении его к Церкви, средоточию духовной и материальной красоты. Будучи свидетелем, учёный рассказывает, как восхищённо Валентин Распутин вглядывался в очертания дальнего храма на Иртыше, “на таинство красок земли, воды и неба, которое только ему и дано высказать словами”.

В исследовании личности Валентина Распутина красота – понятие-лейтмотив, ведущая мелодия и инструмент одновременно, это образ русской идеи. Валентин Григорьевич, будучи выдающимся художником слова, тяготел к первозданной, божественной красоте, искал и находил горные черты не только в человеческом образе, не только в природе, но во всей русской земле, в русской деревне, в простом крестьянском быте, в живом историческом укладе провинциальной жизни. Дивные страницы книги посвящены воспоминаниям о гостевании друзей у простых сельчан, “где на плите закипает картошечка, никогда не надоедающая русскому человеку”. Живописны зарисовки о пирах у хлебосольных знаменитых земляков. Например, у известного в России тобольского мецената и благотворителя Аркадия Елфимова. Сибирское гостеприимство изображено Александром Корольковым пышно, подробно, в традициях классических произведений. Но от простых застольных или эпистолярных диалогов с Валентином Распутиным веет сдержанной мудростью, в них отсутствует пышнословие, современное представление о мире и человеку определяется глубинной традицией. Мысли и темы этих диалогов формируются на основании констант, заложенных в сознание человека религией, обычаями, социально-историческими отношениями, определяющими понятия судьбы, счастья, смысла и правды жизни. И философские, и лирические, и политические откровения Валентина Распутина, доверенные бумаге или собеседнику, показывают, что при всех своих страданиях-испытаниях он был счастливым человеком.

В русской ментальности понятие “счастье” семантически родственно понятию “участие”, осознанию себя частью чего-то: церкви, семьи, общества, родной истории, круга единомышленников и друзей. Александр Корольков показывает Валентина Распутина в храме, в семье. Интересно видеть писателя соучастником русской истории, о многих фактах которой он имел своё аналитическое суждение, основанное на критериях нравственности и объективных зависимостях. Незримые связи открылись Валентину Распутину в селе Покровском, на родной земле известного однофамильца Григория Распутина. Вопреки устойчивым представлениям об этом спорном историческом герое, писатель ищет обстоятельности его жизни и черты характера, смягчающие беспощадный приговор прошлого. Как следует из очерка “Покровское не миновать”, в оправдание земляка Распутин ставит его устремлённость к духовности и сердечное доверие к нему Царской семьи. В заслугу прозорливому крестьянину, которого не выкинешь из нашей истории, ставит также его связующую деятельность. Трудные, в тысячи километров, пути: Покровское–Санкт-Петербург–Москва, Санкт-Петербург–Тобольск–Тюмень, проторённые историческими личностями и государственными событиями, прочно соединили необъятные российские пространства. Трагическими судьбами царей и народа, их жертвенностью духовно укреплялась и территориально объединялась Россия.

Валентин Распутин душой, разумом и телом ощущал существование и значение заповедных, исторических, родственных, нравственных связей в жизни. Видя их распад, пытался восстановить, соединить их в пространстве своего могучего, выносливого, всё знающего крестьянского сердца. В свидетельстве реальной физической мощи выдающегося сибиряка Александр

Корольков приводит афористичную, символизирующую смиренное отношение к нелёгким сторонам жизни фразу Распутина: “Не такое таскали...” Эти слова он произнёс, закидывая на плечо, к восхищению наблюдавших, тяжеленный чемодан с книгами своего американского приятеля и переводчика Джерри Майкельсона, который такой груз даже с места не мог сдвинуть. Писатель эту тяжесть нёс до вокзала.

Вспоминается крестьянский образ Валентина Распутина, имевшего к земле врождённое уважение. Он умел и грядки делать, и капусту с картошкой вырастить, и дома строить, и брёвна на плечах носить. Из своей крестьянской жизни, со своего родового древа писателю было видно дальше, легче оценивать современность, “всматриваться в вечность”. На образных аналогиях исконного бытия строятся философские рассуждения Валентина Распутина, например, о разрыве связи времён. “Основание перестаёт быть основанием? – вопрошает Валентин Распутин. – И чем оно заменится? Победителей этот вопрос не интересует. Чем-нибудь да заменится, на то и завтрашний день... Честь, совесть, все эти “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй”, а также более нижние венцы фундамента – традиции и обычаи, язык и легенды, покойники и история – всё это заметно перестаёт быть основанием жизни”¹³. Через сравнительный образ домостроительства диагностирует современные беды и болезни выдающийся русский писатель. В своей современной, в большей степени городской жизни он видит в друзьях-единомышленниках, в выдающихся современниках такие венцы, на которых держится здание русской традиции, с помощью которых укрепляются фундаментальные связи.

Основываясь на личных воспоминаниях, на публицистике и письмах Валентина Распутина, Александр Корольков выявляет огромный совокупный духовный потенциал выдающихся современных просветителей в конкретной, деятельной реальности. На страницах книги встречаются имена друзей Распутина: священников, исповедников и молитвенников, поэта иеромонаха Романа, писателей – близкого друга Распутина Владимира Крупина, Станислава Куняева, Василия Белова, Александра Вампилова, Виктора Астафьева, Николая Коняева, Василия Забелло и многих других отечественных подвижников возрожденческой мощи, направленной на восстановление связи времён через литературу и искусство.

Большое значение Валентин Распутин придавал деятелям культуры и искусства и их просветительским усилиям. Отмечал не только творческие достижения, но и общественное служение композиторов Георгия Свиридова, Валерия Гаврилина, дирижёра Владислава Чернушенко, исполнительницы русских народных и современных песен Татьяны Петровой, фотографа-биографа Анатолия Пантелеева и многих других, чьи лица запечатлены на уникальных фотографиях, представленных в книге.

Многих из названных писателей, деятелей культуры можно видеть вместе на фотографиях с прославленного фестиваля “Дни русской духовности и культуры “Сияние России”. Ежегодно на протяжении почти четверти века он проходит в Иркутске. Основан по инициативе деятелей культуры, при активной поддержке Валентина Распутина, епархии и администрации города. Этот мощный, многолюдный, многоплановый фестиваль, имеющий огромное просветительское значение, стал школой патриотизма в высшем смысле этого прекрасного слова. Во всех мероприятиях было незримое, а иногда и зримое участие Валентина Распутина. На поприще по “пробиванию стен отчуждения от русской культуры” здоровья он не жалел и как будто успокаивал себя возможностью в любое время оставить это своё служение: “Решил я... отойти. Пусть тянут другие, а у меня силёнок уже не остаётся” (письмо 07.07.2002).

“Никуда он не отошёл в сторону, так и тянул эту лямку многие годы, – вспоминает Александр Корольков. – Не мог он при всех тяготах, издевательствах отбросить своего послушания, данного самому себе, послушания служить верой и правдой русскому делу, русской культуре, русскому просвещению в его сокровенном смысле как просвещению душ”¹⁴.

Просвещению русскостью Валентин Распутин служил вдохновенно, истово, находил современные формы этого служения. Как говорит Александр Корольков, любое новое произведение Распутина вызывало народный интерес. “Имя и творчество Распутина поддерживало соборную традицию русского народа, когда появление новой его повести или даже рассказа становилось духовным событием для читателей”¹⁵. И сам классик своим вниманием

к новым произведениям современных писателей эту соборную традицию расширял. Известен интерес прозаика к творчеству духовного поэта иеромонаха Романа (Матюшина), выразившийся в беседах, в переписке, во вступлении, которое Валентин Григорьевич написал для сборника о Романа «Внимая Божьему велению». «Чувствователь» Распутин определил непреходящее значения этой русской православной поэзии, понял, как важна она «для печения о запущенной русской душе».

В книге Александра Королькова отмечены личные встречи и литературные отношения Валентина Распутина со всемирно известным его современником Александром Солженицыным. С коллегой, имевшим всемирное признание, Валентин Григорьевич был хорошо знаком, даже получил из его рук в 2000 году литературную премию его имени, которая была присуждена Распутину «за пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни в сращенности с русской природой и речью, душевность и целомудрие в воскрешении добрых начал»¹⁶. В эту формулировку хотелось бы добавить мысль о мощных созидательных токах и удерживающих в русле родословной памяти силах, присущих произведениям Распутина.

Распутин не оглядывался на чье-либо мнение, имел собственное отношение к Солженицыну, бывшее следствием, как отмечает Александр Корольков, его личной самостоятельности. Это присущее Распутину трудное умение выражено в рассказе «Век живи – век люби»: «Самостоятельность» – самому стоять на ногах жизни, без подпорок и подсказок – вот что это значит». Не прислушиваясь ни к мнению апологетов, ни к суждениям оппонентов, он изначально и последовательно преклонялся перед мужеством, правдолюбием и независимостью Солженицына. Хотя точку зрения Солженицына на Россию оценивал по-своему. Эта оценка, высказанная в письме к Александру Королькову от 2 октября 1990 года, помогает в понимании литературных особенностей и идеологических установок Солженицына.

«Статью Солженицына я, конечно, прочитал; очень она кстати и даже кстати с опозданием. Никому, кроме А. И., её бы и близко к тому, что сказано им, не написать. И всё же чувствуется, что это взгляд со стороны, взгляд мощный, исторический, но не опалённый нашей действительностью, но как бы выхолощенный, направленный сзади, а не сверху. Но потому именно, что это Солженицын, статью прочитают все, и при его огромном авторитете внемлют больше, чем от нас, вместе взятых»¹⁷.

Но Александр Корольков своей книгой, насыщенной свидетельствами реальной силы веры, любви, верности, самопожертвования, доказывает, что всё это – и вместе, и по отдельности – составляет мощную нравственную силу, укоренённую в национальной почве. Что это исконно русское стояние в своей философии сродни воинскому подвигу. Это та непобедимая убеждённость, выраженная словами Ивана Ильина: «За что можно отдать жизнь, то и надо любить, тому и надо служить», – побеждает смерть. Письма Валентина Григорьевича Распутина, которые он от руки писал не только Александру Аркадьевичу Королькову, но многим своим друзьям и современникам, и просто пришедшимся по душе людям, будут постепенно открываться, и станут уроками русской жизни, русского языка, врачевателями русского духа.

«Вы богаты, у вас есть Распутин», – цитирует невольное откровение одного американца Александр Корольков. И действительно, нравственная философия светоча русской жизни, великого русского писателя Валентина Распутина – великое наше богатство, которым Россия готова поделиться со всем миром, ибо в этом творчестве заложен всемирный и вневременной – спасительный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Философия и методология познания. Ред. Сальников В. П. СПб, 2003. С. 320.

² Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Ростов. 2018. С. 3.

³ Там же. С. 190.

⁴ Цит. по: Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Ростов. 2018. С. 8.

- ⁵ Распутин В. Г. Веси, лики, Земля. О творчестве Анатолия Заболоцкого // Распутин Валентин. У нас остаётся Россия. М., 2015. С. 666-667. Цит по: Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 12.
- ⁶ Памяти Валентина Распутина <http://rodnayaladoga.ru/index.php/rodnaya-rech/index.php/pamyatoslov/799-uroki-valentina-rasputina>.
- ⁷ Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 6.
- ⁸ Там же. С. 203
- ⁹ Цит. по: Философия и методология познания. Ред. Сальников В. П. СПб, 2003. С. 322.
- ¹⁰ Сергей Радонежский // В. Г. Распутин. Ближний свет издалека // М., Патриот, 1991. С. 526.
- ¹¹ Цит по: Константин (Горянов), митрополит. И тогда воздвигается Сергей. // Родная Ладога. № 2. 2014. С. 16.
- ¹² Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 48-49.
- ¹³ Распутин В. В. В поисках берега. Иркутск. 2007. С. 209 // Цит. по: Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 24-25.
- ¹⁴ Там же. С. 136.
- ¹⁵ Там же. С. 122.
- ¹⁶ https://www.pravda.ru/news/world/910182premiya_solzhenicina_budet_vruchena_rasputinu/ Обращение 11.08.19.
- ¹⁷ Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб, Росток. 2018. С. 205.